

Т. Р. РУДИ

О композиции и топике «Жития Юлиании Лазаревской»

В 1948 г. «Житие Юлиании Лазаревской» в советском литературоведении было переименовано в повесть — «Повесть об Улиянии Осорьбиной». Автор критического издания и исследователь памятника М. О. Скрипиль так сформулировал свой вывод: «„Повесть об Улиянии Осорьбиной“ была задумана и выполнена как светское повествовательное произведение — биография с элементами семейной хроники; а агиографические черты в ней — это невольная дань традиции, это свидетельство того, как трудно было писателю начала XVII в. дать идеальный образ героини без ореола „святости“». ¹ На основании этого вывода исследователь решительно отказался от общепринятых в научной литературе заглавий памятника («Житие Юлиании Лазаревской», «Житие Юлиании Муромской», «Повесть об Юлиании Муромской») и утвердил за ним условное название «Повесть об Улиянии Осорьбиной», которое, по его мнению, «точнее других передает характер этого произведения». ² К сожалению, М. О. Скрипиль не изложил в достаточной мере убедительных доводов, которые привели его к такому важному заключению, а потому его выводы не получили должного фактического обоснования. Однако в литературоведении закрепилось условно принятое им название памятника — «Повесть об Улиянии Осорьбиной». Д. С. Лихачев не раз отмечал искусственность и известную условность такого переименования. Говоря о двух муромских памятниках, «Повести об Улиянии Осорьбиной» и «Повести о Марфе и Марии», он заметил, что это все же «два агиографических произведения, которым литературоведы не совсем точно присвоили название „повестей“». ³ Возражения против трактовки жанра и переименования «Жития Юлиании Лазаревской» в «Повесть об Улиянии Осорьбиной» высказывались в последние годы и зарубежными исследователями Т. Гринаном ⁴ и Ю. Алиссандратос. ⁵

Наличие таких различных точек зрения — одновременно следствие и свидетельство жанровой неординарности «Жития Юлиании Лазаревской», с одной стороны, и неразработанности проблемы жанровой специфики

¹ Скрипиль М. О. Повесть об Улиянии Осорьбиной (Исторические комментарии и текст) // ТОДРЛ М., Л., 1948 Т. 6 С. 257

² Там же С. 272

³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков (Эпохи и стили) Л., 1973 С. 152 См. также Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси М., Л., 1958 С. 116

⁴ Greenan T. A. Juliana Lazarevskaya // Oxford Slavonic Papers (New Series) 1982 Vol. 15 P. 28—45

⁵ Alissandratos Ju. 1) New Approaches to the Problem of Identifying the Genre of the Life of Julijana Lazarevskaja // Cyrillomethodianum VII Thessaloniki, 1983 P. 235—244, 2) A Re-assessment of the Life of Julijana Lazarevskaja in the History of Russian Literature // Studia Slavica Mediaevalia et Humanistica / Riccardo Picchio Dicata I Estratto Roma, 1986 P. 1—17

древнерусской повести и жития — с другой.⁶ Безусловная жанровая синкретичность жизнеописания Ульянии Осорьиной переводит вопрос о его жанровой принадлежности из «объективной» плоскости в «субъективную»: важно не то, какие черты в нем реально преобладают — жития или повести, а то, что же писал Дружина Осорьин — житие подвижницы или светскую биографию своей матери. Ведь в средневековой литературе принадлежность памятника к тому или иному жанру определяется не только его литературными признаками и функциями, но и, в большей степени, внелитературными — его предназначением.⁷ Решить же вопрос об авторском замысле и восприятии произведения современниками можно только при комплексном исследовании текста памятника, проанализировав взаимоотношение его редакций, композиционную структуру, языковую и образную систему, а также литературное окружение его в рукописных сборниках. В настоящей статье мы обратимся к анализу сюжетно-композиционной структуры и топике «Жития Юлиании Лазаревской» как к наиболее устойчивым величинам, характеризующим жанр средневекового произведения.

Исходя из композиционной идентичности редакций «Жития Юлиании Лазаревской»,⁸ а также учитывая большую близость Краткой редакции к архетипу, изберем для нашего анализа этот вариант текста памятника.

Краткая редакция не имеет вступления и представляет собой плавно выстроенный текст, хронологически повествующий о жизни героини:

- 1) рождение блаженной Ульянии от благоверных и нищелюбивых родителей;
- 2) раннее сиротство, воспитание у родственников; стремление к аскезе с детских лет, смирение и послушание, прилежание в посте и молитвах;
- 3) замужество в 16 лет, рождение детей, ведение «домовного строения», постоянные труды, молитвы и милостыня;
- 4) первое «прещение» бесов; явление и помощь Николы Чудотворца;
- 5) гибель двух сыновей, — Ульяния просит мужа отпустить ее в монастырь; после его отказа они соглашаются жить без «плотского совокупления», а Ульяния усиливает аскезу;
- 6) глас от иконы Богородицы иерею о «домовной молитве» Ульянии и о том, что «Дух Святой на ней почивает»;
- 7) вторая сцена борьбы с бесами, помощь и благословение святого Николая;
- 8) страшный голод при царе Борисе, безмерная милостыня и обнищание Ульянии;
- 9) переселение Ульянии в «пределы нижеградские», оскудение дома Осорьиных; Ульяния отпускает холопов на волю, эпизод со сладким хлебом из лебеды и древесной коры;
- 10) болезнь и предсмертное наставление Ульянии;
- 11) честное преставление Ульянии и погребение ее у церкви праведного Лазаря;
- 12) обретение через 10 лет после смерти мощей праведной Ульянии;
- 13) исцеления и чудеса у гроба новой чудотворицы.

⁶ См. об этом Буланин Д. М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ Л., 1985 Т. 39 С. 15, Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985 С. 41 и др.

⁷ См. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979 С. 55

⁸ «Житие Юлиании Лазаревской» известно в трех редакциях: Краткой, Пространной и Сводной. См. об этом Руди Т. Р. Повесть об Ульянии Осорьиной (литературная история произведения). Автореф. дисс. канд. филол. наук Л., 1989 С. 7

Нетрудно видеть, что композиция жизнеописания Ульянии в основных своих элементах четко накладывается на агиографическую схему,⁹ в нем присутствуют все обязательные топосы жития святого: рождение от благочестивых родителей, стремление к аскезе с детских лет, добродетельное житие в посте и молитвах, борьба с бесами, честное преставление, исцеления у гроба. Рассмотрим подробнее некоторые составляющие житийной топикой «Жития Юлиании Лазаревской», опираясь, в основном, на агиографическую схему, предложенную исследователем греческих житий Х. М. Лопаревым.¹⁰

Заглавия всех сохранившихся вариантов текста «Жития Юлиании Лазаревской» носят агиографический характер. В Краткой редакции заглавие краткое и наиболее схематичное: «Месяца гевваря во 2-й день. Успение святыя праведныя Ульяней, муромские чудотворицы» (л. 59).¹¹ Оно полностью укладывается в схему заглавий житий, пришедшую из византийской агиографии: название месяца и день памяти святого — название жанра памятника («успение» в Краткой и Сводной редакциях, «преставление», «житие и преставление», «житие и пошение и еже отзде преставление» в вариантах Пространной редакции) — эпитет и имя святого. Эпитет Юлиании Лазаревской — праведная¹² соответствует представляемому ею типу святости: «название ὁ δίκαιος (праведный) означает, что святой жил в мире, был мирянином».¹³

Описание рождения героини выдержано в традиционно агиографических формулах: «Во дни благовернаго царя и великого князя Иоанна Василевича всея Руси от его царьского двора бе мужь благоверен и нищелюбивъ именем Иустинъ, порекломъ Недоревъ, саномъ ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву именем Стефаниду Григориеву дщерь Лукина¹⁴ от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте и имяста сыны и дщери и много богатства и рабъ множество. // От нею же родися сия блаженная Ульяния» (л. 59—59 об.). Этикетные характеристики, которыми здесь наделены мать и отец Ульянии («мужь благоверен и нищелюбивъ», «жена такова же боголюбива и нищелюбива», «живяста во всяком благоверии и чистоте»), с одной стороны, создают облик благочестивых родителей блаженной, а с другой — как бы превосходят будущие добродетели самой Ульянии — любовь к Богу («от младых ногтей Бога возлюби и Пречистую его Матерь») и нищелюбие («ни единого от просящих не отпусти тща»). Одновременно с традиционными формулами рассказ о родителях Ульянии содержит и конкретно-биографические сведения о них: отец Ульянии Иустин Васильев сын Недорев действительно служил ключником во Владимире в 1542 г.,¹⁵

⁹ О житийной композиции см Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков Ч. I. Современные жития Пг, 1914 С 15—36, Mertel H. Die biographische Form der griechischen Heiligenlegenden Diss. Munchen, 1909 S 90 и а, Полякова С. В. Византийские легенды М, Л, 1972 С 247—248, Боева Л. И. Проблемы русской литературы XI—XVII веков София 1985 С 249—251, и др.

¹⁰ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков С 15—36

¹¹ Здесь и далее Краткая редакция цитируется по списку РНБ, Q 1 355 как основному и наиболее раннему, лист указывается в скобках

¹² Встречающийся во многих списках эпитет «преподобная» (т. е. святая из монашествовавших) возник, вероятно, из-за неверно раскрытого при переписке титла в слове «пр^вдная», однако в дальнейшем он мог восприниматься переписчиками и читателями Жития и как верный, ведь Ульяния зачастую изображается как мирянка ведущая иноческую жизнь «томит тело», творит беспрестанно Иисусову молитву и т. п.

¹³ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков С 17

¹⁴ Исправлено по списку РНБ О 1 25 В списке РНБ, Q 1 355 — ошибочное чтение «Церлукина»

¹⁵ См. об этом Лихачев Н. П. Грамоты рода Осоргинных // Изв. Рус. генеалогического об-ва СПб. 1900. Вып. 1. С. 4

а мать, Стефанида, дочь Григория Лукина, была уроженкой муромской земли.¹⁶

Следующий обязательный житийный топос — стремление святого с детских лет к богоугодной жизни — также выдержан в этикетных формулах: «Сия блаженная Уляния от младых ногтей Бога возлюби и Пречистую его Матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. // И того ради от тетки много сварима бе, а от дщерей посмехаема. И глаголаху ей: „О безумная! Что в толлицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девъственную погубиши?“. И нуждаху ю рано ясти и пити. Она же не вдаяшеса воли ихъ, но все со благодарением приимаше и с молчаниемъ отхождаше, послушание имея ко всякому человеку, бе бо измлада кротка и молчалива, небуява, невеличава и от смеха и всякия игры отребашеся. Аще и многажды на игры и на песни пустошные // от сверъстницъ нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагаше и тем потаити хотя своя добродетели» (л. 59 об.—60 об.).

Х. М. Лопарев так излагал требования агиографического канона применительно к данному топосу: «Житийный шаблон требовал говорить, что святой в юношеском возрасте не любил ни детских игр, ни зрелищ, ни конских ристалищ, ни светских песен, ни плясок, а усердно изучал Псалтирь и вообще Св. Писание, и наука давалась ему очень легко».¹⁷ Топос этот, содержащий предписания поведения житийного героя в детские и юношеские годы, состоит, как видим, из двух тем-составляющих: аскетического отречения от разного рода мирских развлечений и, второе, — постижения грамоты. Первое из этих предписаний, с естественной корректировкой на русскую среду, нашло каноническое воплощение в Житии Юлиании: «...от смеха и всякия игры отребашеся. Аще и многажды на игры и на песни пустошныя от сверъстницъ нудима бе, она же не приставаше к совету их...». Со вторым элементом топоса дело обстоит сложнее. Как показал Д. М. Буланин, обязательный для греческих житий рассказ о постижении грамоты будущим святым в русской агиографии адаптировался в соответствии с культурно-исторической средой страны.¹⁸ В «Житии Юлиании Лазаревской» этот топос тоже получил своеобразный отзвук, но лишь в форме оттапливания от требования жанрового канона. Краткая редакция Жития сообщает о том, что Уляния была неграмотна, что, вероятнее всего, и соответствовало действительности: «И вселися в ню страхъ Божий, не бе бо в той веси церкви близ, но яко два поприща, и не лучися // ей въ девичестемъ возрасте в церковь приходити, ни слышати словесъ Божиихъ почитаемых, ни учителя учаща на спасение николиже, но смысломъ бо Господнимъ наставляема нраву добродетельному» (л. 60 об.—61). Нам известна одна близкая параллель. В популярном на Руси переводном «Житии Марии Египетской» интересующий нас топос также присутствует в «отраженном» виде, привычные формулы даются как бы со знаком минус: Мария неграмотна, но ей дарованы свыше разум и знание священных текстов. Вот как она сама повествует об этом: «А книгамъ николиже не учихся, ни поюща же никогоже слышаша, ни

¹⁶ Фамилия Лукиных не раз встречается в муромских актовых материалах и Писцовых книгах XVII в. Так, в Писцовой книге г. Муром 1625 г. писца Григория Федоровича Киреевского читается имя Григория Лукина «Двор пуст же(е) муромца Григорья Яковлева сына Лукина В длину 5 сажен с четью Поперег пол 3 саж(е)ни» (РНБ, собр. А. А. Титова № 3645, л. 25 об.)

¹⁷ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 24—25

¹⁸ См. работу Буланин Д. М. Несколько параллелей к главам III—IV Жития Константина-Кирилла // Кирилло-Методиевски студии. София, 1986. Кн. 3. С. 91—107

чтуще. Слово Божие живущее, то учить человека всякому разуму».¹⁹ На наш взгляд, можно предположить, что этот рассказ послужил непосредственным источником для соответствующего фрагмента «Жития Юлиании Лазаревской», поскольку, как мы покажем далее, «Житие Марии Египетской», вне всякого сомнения, было известно Дружине Осорьину.

Рассказ о неграмотности Ульянии Осорьиной интересен двумя содержащимися в нем моментами: с одной стороны, дается вполне конкретное бытовое объяснение неискренности юной Ульянии в Священном Писании — отсутствие церкви в их селе, с другой стороны, отсутствию «внешней мудрости» героини, как и в «Житии Марии Египетской», противопоставляется внутренний благой «смысл», дарованный ей свыше. «Разум и благоверие» Ульянии еще не раз подчеркиваются в Житии: «...всемъ дивитися о ней и многимъ искушающимъ ю в речах и во ответехъ, она же ко всякому вопросу благочинень и смыслень ответ даяше. И вси дивляхуся разуму ея и славяху Бога». Пространная редакция еще более акцентирует мысль о ценности внутреннего «смысла», подкрепляя ее авторитетами церкви: «Но смысломъ благимъ наставляема нраву добродетельному, // яко же глаголет великий Антоний: „Имеющимъ цель умъ не требовати Писания“. Сие слово блаженная собою исправи, и не учився книгамъ, ни учителемъ наставляема, еще в девственномъ возрасте вся заповеди исправи и аки бисерь многоценень посреде цветящесе тины, о благочестии подвизаяся, и желаше слышати слово Божие, но сего никакоже в девичестве получи».²⁰ В другом же эпизоде Ульяния изображается даже как толкователь божественных книг, не уступающий в мудрости философам и книжникам: «Книгамъ бо аще и не училася, но любя Божественныхъ книгъ чтения послушати, и еже аще кое слово слышаше, и толковаше вся неразумная словеса, аки премудр философъ или книжникъ».²¹ Здесь, по-видимому, мы имеем дело с прямым отголоском традиционной формулы византийского агиографического канона об освоении святым «внешних наук», хотя и в трансформированном, «отраженном» виде. «Топика, составляющая наиболее устойчивый, статичный элемент культуры, редко исчезает бесследно: этикетные формулы обладают удивительной способностью долго существовать подспудно, на периферии культурного сознания, проявляясь неожиданно в прежнем или модифицированном виде».²² В подтверждение тезиса о том, что византийский «топос о высшем образовании святого, опускавшийся в древнерусских житиях, сохранился в этикетном мышлении русского средневекового писателя», Д. М. Буланин показал и прокомментировал отражение этого топоса в различных интерпретациях в житиях Стефана Пермского, Евфросинии Суздальской, инока Епифания, Андрея и Семена Денисовых.²³

Интересную трактовку получил в «Житии Юлиании Лазаревской» топос об отношении святого к браку. Известно, что «подавляющее число святых бежало брака <...> и жило полными аскетами».²⁴ Ульяния же, как мы знаем из Жития, в 16 лет была выдана замуж и родила в браке 13 детей.²⁵ Казалось бы, факты реальной биографии Ульянии Осорьиной дела-

¹⁹ Цит по ВМЧ Апрель Дни 1—8 Тетрадь 1 М, 1910 Стб 27

²⁰ РНБ, Ф 1 261, л 735 об —736

²¹ Там же, л 744 об

²² Буланин Д М Несколько параллелей к главам III—IV Жития Константина-Кирилла

С 100—101

²³ Там же С 101—107

²⁴ Лопарев Х М Греческие жития святых VIII и IX веков С 25

²⁵ Из текста Жития известно, что из 13 детей Ульянии и Юрия Осорьиных 6 умерли в младенчестве, а остались в живых только 7 дочь инока-схимника Феодосия и шестеро сыновей. Имена пяти из них нам известны из Родословной Осоргиных XVIII в, хранящейся в Российской государственной библиотеке Дружина, Юрий, Иван, Дмитрий, Никита (РГБ ф 215 (фонд Осоргиных), III ед хр 7, л 1 об —2)

ли совершенно невозможным для ее агиографа-сына использование в этом случае житийной топики, однако мотив безбрачной жизни в «Житии Юлиании Лазаревской» все же звучит: из предсмертного слова святой мы узнаем, что она внутренне стремилась к иноческой жизни: «Желаниемъ возжелаша ангельскаго образа иноческаго, не сподобихся грех моих, нищеты ради, понеже недостойна быхъ, грешница съи убогая» (л. 72 об.). В Пространной редакции Жития этот мотив еще более усилен: цитированная фраза расширена словами «еще от юности моя», тем самым «желание ангельскаго образа» распространено на всю жизнь героини, из чего следует заключить, что Ульяния, как и другие святые, мечтала в юности о безбрачной монашеской жизни. Бесспорная литературная «этикетность» этого последнего монолога снимает вопрос о соотношении этого рассказа с действительностью: независимо от того, произносила ли эти слова перед смертью Ульяния Осорьина, их должна была произнести, в соответствии с агиографическим каноном, блаженная Юлиания Лазаревская. Впрочем, в Житии есть еще один эпизод, в котором говорится о стремлении Ульянии к иноческой жизни: после смерти двух взрослых сыновей она «моли мужа отпустить ю в монастырь, и не отпусти, но совещашия вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети» (л. 66). Такой тип отношения супругов — воздержание в браке по взаимному соглашению — является одной из традиционных моделей реализации в житиях топоса об отношении святого к браку. Интересно, что Х. М. Лопарев, особо выделивший эту «вариацию», привел в пример помимо греческих святых имена трех русских подвижников: Макария Калязинского, Евфросинии Полоцкой и Юлиании Лазаревской.²⁶

Обращает на себя внимание наличие в Житии Юлиании еще одного традиционно-агиографического мотива, несколько неожиданного в жизнеописания мирянки, — аскезы. С ранней юности Ульяния строго соблюдала посты, молилась ночи напролет, «томила тело». С годами она только усиливала прилежание в посте и молитвах, а после «разлучения плотня» с мужем уподобилась в своем подвижничестве монахам-аскетам: спала «на печи без постели, // точию дрова острыми странами к телу подстилалаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна приимаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю ночь и до света» (л. 66—66 об.). Когда же муж ее умер, Ульяния «и паче мирская отверже», усилив аскезу еще больше: стала ходить зимой без теплой одежды, обувать сапоги на босые ноги, подкладывая вместо стелек «ореховы скорлупы и чрепие острые». Интересно, что в Пространной редакции Жития этот мотив «томления тела» получил дополнительный акцент на композиционном уровне. Во всех трех редакциях памятника рассказывается о том, что юная Ульяния была «посмехаема» своими сестрами за добродетели: «О безумная! Что в толлицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девьственную погубиши?». В Пространной редакции этот их вопрос получил «зеркальное отражение» в рассказе о старости героини. Соседи, знающие, что Ульяния подкладывает в сапоги ореховую скорлупу и черепки, говорят ей: «Что в такой старости тело свое томиши?». Образующаяся таким образом кольцевая композиция и сюжетная симметрия²⁷ безусловно усиливали мотив аскезы, распространяя его звучание на всю жизнь героини.

²⁶ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 25—26.

²⁷ В «Житии Юлиании Лазаревской» есть и другие симметрично расположенные парные эпизоды: и в юности, и в старости Ульяния вынужденно не ходит в церковь по одной и той же причине: «не бе бо в веси той церкви близ, но яко два помрища» (примечательно, что речь идет о двух разных селах, одно из них — в муромских землях, другое — в нижегородских), дважды нарисована сцена борьбы с бесами и заступничество святого Николая, с той лишь разницей, что в первом случае действие происходит во сне героини, а во втором — наяву Ин-

Описывая один из последних обязательных этикетных моментов житийной схемы — предсмертное наставление святого, Х. М. Лопарев дал его характеристику только в отношении святого — настоятеля монастыря: «В случае, когда идет речь о святом настоятеле монастыря, риторические руководства полагали необходимым говорить, что святой, чувствуя близость кончины, собирал к своей постели братию и преподавал ей наставление и завещание о том, как надо жить, молиться, в точности исполнять устав монастыря и пр.»²⁸ Ульiania Осорьина не была ни настоятельницей монастыря, ни даже простой инокиней, тем более удивительно то соответствие требованиям канона, с которым описаны в Житии ее предсмертные часы: «Генваря въ 2-й²⁹ день, свитающу дню, призва отца духовнаго и причастия святыхъ тайнь, и седь, призва дети и рабы своя, и поучая о любви, и о молитве, // и о милостыни, и о прочихъ добродетелех. <...> И тутъ повеле уготовити кадило, и фимиям положить, и целова вся суцая ту, и всемъ мир и прощение дасть, возлеже, и прекрестися 3-ж(ды), обьявивъ четки около руки своя» (л. 72—72 об.). Все традиционно в этом описании, только вместо монастырской братии Ульiania призывает для последнего наставления своих детей и слуг — тех, чьей наставницей она была в жизни. Есть в этом фрагменте и еще один штрих, выходящий за рамки этикетных требований, — последний жест Ульiania: перекрестившись трижды, она обвила четки вокруг своей руки. Эта трогательная деталь, конечно же, вызывает в памяти еще один «женский» жест другой муромской святой, Февронии Муромской. В сцене преставления Феврония шьет воздух для церковного потира, но, услышав троекратный зов своего супруга Петра о том, чтобы им умереть вместе, она оставляет шитье незаконченным, воткнув иглу и аккуратно обернув вокруг нее нить: «Она же остаточное дело воздуха того святого шияше, уже бо единого святого риз еще не шив, лице же нашив, и преста, и вотче иглу свою в воздух, и преверте нитью, еюже шияше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И, помоливши, предаста святая своя душа в руке Божии месяца июня в два десять пятый день».³⁰ Д. С. Лихачев назвал этот «лаконичный и зрительно ясный» жест Февронии драгоценным: «Чтобы оценить этот жест Февронии, обвертывающей нить об иглу, надо помнить, что в древнерусских литературных произведениях нет быта, нет детальныx описаний — действие в них происходит как бы в сукнах. В этих условиях жест Февронии драгоценен, как и то золотое шитье, которе она шила для святой чаши».³¹ Дружина Осорьин, житель Муром, не мог не знать Жития Петра и Февронии, самых почитаемых святых муромской земли. Но даже вне зависимости от того, осознанно или нет автор «Жития Юлиании Лазаревской» передал своей героине жест Февронии Муромской, в читательском сознании невольно возникает эта параллель, сближающая образы двух муромских святых жен.

Последний топос, завершающий сюжетную часть всякого жития, — описание кончины святого. Х. М. Лопарев пишет, что после последнего

тересно отметить, что принцип симметричного построения сюжета и композиции является основным стилистическим приемом в другом муромском памятнике — «Сказании об Унженском кресте» («Повести о Марфе и Марии») См об этом Буслаев Ф И Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф И Исторические очерки русской народной словесности и искусства СПб, 1861 Т 2 С 249, Истоки русской беллетристики Л, 1970 С 515, Брун Т А К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси Л, 1980 С 216—220

²⁸ Лопарев Х М Греческие жития святых VIII и IX веков С 30—31

²⁹ Исправлено в рукописи РНБ, Q I 355 ошибочное чтение «4-й»

³⁰ Повесть о Петре и Февронии / Подгот текста и исследование Р П Дмитриевой Л, 1979 С 221

³¹ Лихачев Д С Человек в литературе Древней Руси М 1970 С 95

напутствия святой «умирал обыкновенно с евангельскими словами на устах: „в руки Твои предаю дух мой“. От тела распространялось благоухание, и над телом почившего с наступлением ночной темноты появлялся свет, иногда слышалось ангельское пение. Весь город или все иноки и жители окрестных весей стекались на погребение святого и многие из недужных тут же получали исцеление».³² Обратимся к Житию Юлиании. После наставления ближних святая «последнее слово рече: „Слава Богу всех ради. В руке твои, Господи, предаю дух мой, аминь“. И предать душу свою в руке Божии, // егоже возлюби. И вси видевшие около главы ея круг златъ, яко же на иконах околь глав святых пишется. И омывше, положыше ю в клетѣ, и в ту ночь видеша свет и свеча горяща, и благоухание велие повешаше ис клетки тоя» (л. 72 об.—73). В этом описании находим три обязательных элемента, составляющих первую часть топоса о преставлении святого: Ульяния повторяет предсмертное восклицание Христа «Отче! в руке Твои предаю дух Мой» (Лк. 23:46),³³ заменив лишь обращение «Отче» на «Господи»; от гроба с ее телом «благоухание велие повешаше», а ночью рядом с ним виден свет и горящие свечи. Вторая часть топоса — о стечении ко гробу людей и исцелениях также присутствует в «Житии Юлиании Лазаревской», но читается чуть позже, в сцене обретения мощей: «В ту же ночь мнози слышаху у церкви тоя звонъ и мнеша пожаръ и, прибежавъ, не видеша ничтоже, точию благоухание исхождаше. И мнози слышавше, и приходядаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недуговъ приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити перьсть, аки песок. // И приходять болящии различными недуги, и обтираются пескомъ темъ, и облегчение приемлютъ и до сего дня» (л. 74 об.—75).

Сцена обретения мощей, важная в агиографической схеме, в «Житии Юлиании Лазаревской» интересна соотношением в ней реальных и этикетных черт. Один из эпизодов этой сцены, собственно момент обретения гроба, уже привлекал внимание исследователей. Напомним этот эпизод: «И бысть в лето 7122-го августа в 8 день преставися сынъ ея Георгий. И начаша въ церкви копати ему могилу в притворе между церковию и пещию, бе бо притворъ той без моста, и обретьше гробъ ея на верху земли цель, невреждень ничимъ. И недоумеваху, чий есть, яко от многихъ лет не бе ту погребяемаго» (л. 73 об.). По мнению А. М. Панченко, здесь «автор жития совершил этикетное насилие над реальностью».³⁴ Описание недоумения присутствующих в данном случае — дань канону, который «в такой ситуации предусматривал „недоумение“ (никто из присутствующих не помнит, кого и когда здесь погребли) и благоговейный „ужас“ (от знаменья, удостоверяющего святость мощей, покоящихся в гробу)».³⁵ Канон выдержан, пишет А. М. Панченко, однако «мы вправе не доверять „недоумению“ автора», ведь не мог сын забыть, где зарыто тело его матери.³⁶ Д. М. Буланин отметил также, что в этой сцене «перед нами налицо этикетный мотив, возможно, впрочем, отражающий этикетное поведение средневекового человека в самой жизни».³⁷ Действительно, сцена обретения мощей в «Житии Юлиании Лазаревской» написана в полном соответствии с этикетом: Дружина Осорбин должен был описать недоумение присутствующих в момент обретения мощей его матери — и он описал его. Отметим лишь, что «эти-

³² Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. С. 31—32.

³³ Ср. Пс. 30, 6.

³⁴ История русской литературы. В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 308.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 308—309.

³⁷ Буланин Д. М. Из опыта работы над «Словарем книжников и книжности Древней Руси». С. 12.

кетному» чувству автор дал вполне реалистическое, бытовое объяснение: гроб был найден на поверхности земли целым, ничем не поврежденным, а потому все недоумевали — чей бы это? — ведь уже многие годы здесь никого не хоронили.

Итак, «Житие Юлиании Лазаревской» композиционно выстроено по агнографическим законам и включает в себя все основные агнографические топосы. Кроме того, оно содержит и такие обязательные атрибуты житийного жанра, как видения (явление Николая Чудотворца) и глас (от иконы Богородицы), борьба с бесами, чудесные предзнаменования у гроба (золотой круг над головой Ульянии, «яко же на иконах околь глав святых пишется»), явления святой (в Пространной редакции повествуется о том, что Ульяния после смерти явилась в ту же ночь «единой рабыни и повеле отвезти тело свое въ пределы муромския»), чудеса и исцеления у гроба.

Одновременно с этим необходимо отметить, что традиционные агнографические топосы в «Житии Юлиании Лазаревской» иногда получают конкретно-бытовые, психологические или реалистические трактовки и комментарии. Так, в описании первой сцены борьбы с бесами Ульяния ведет себя отнюдь не в соответствии с агнографическим каноном: «Во едину же нощь воставъ по о//бычаю на молитву без мужа, беси же страхъ и ужась великъ напущаху ей. Она же, млада еще и неискусна такой, убоясь и ляже на постели, усну крепко» (л. 62 об.—63).

Основная черта, которая выделяет «Житие Юлиании Лазаревской» в ряду агнографических памятников, — характер подвига героини: как святая прославляется женщина-мирянка за каждодневные труды и безмерную милостьню:³⁸ «Она же в те времена по вся нощи без сна пребываючи, в мольбахъ и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продавъ, нищимъ цену даяше и на церковное строение» (л. 62). Такое уравнивание домашних трудов и молитвы как равных подвигов благочестия было бы вряд ли возможно в традиционном похвальном житии.³⁹ С другой стороны, вспомним, что труд является одной из самых важных добродетелей таких почитаемых русских святых, как митрополит Филипп, Пафнутий Боровский, Сергей Радонежский, что неоднократно и акцентированно подчеркивается в их житиях. Поэтому устоявшееся мнение о нетрадиционности подвига Юлиании Лазаревской в известной мере относительно. Ведь вообще трудолюбие — характерная черта, отличающая русских святых.⁴⁰

Думается, что перечисленные агнографические топосы, которые в «Житии Юлиании Лазаревской» подчас получали конкретные бытовые или психологические трактовки, являлись, по всей видимости, не только элементами

³⁸ Юлиания Лазаревская — своего рода исключение в перечне святых жен Древней Руси, большинство из которых либо были инокинями, либо принадлежали к княжескому роду. Ф. И. Буслаев в статье «Идеальные женские характеры Древней Руси» дал «перечень всех святочтимых женщин Древней Руси», составленный им на основании «Книги глаголемой о Российских святых, где в коем граде, или области, или в монастыре, или в пустыни поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых». По окончании этого списка он отметил: «Из перечня русских женщин, местно чтимых, явствует следующее. Во-первых, почти все они княжеского рода. Исключения так ничтожны, что кажутся чистою случайностью. Во-вторых, при святочтимом супруге чувствуется очень часто и его жена. В-третьих, иногда чествование простирается на целую фамилию, на сестер, дочерей, даже на снох» (Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси. С. 244—245). Действительно, из 29 названных им святых жен лишь 5 не являются княгинями или инокинями, причем о двух из них ничего не известно (Гликерия Новгородская и Евфросиния Шуйская), две другие чтятся совместно — с мужем (Иоанн и Мария Устюжские) или с братом (Гавриил и Анастасия Василевские), пятая же — Юлиания Лазаревская.

³⁹ См. об этом: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 105—106.

⁴⁰ Приношу глубокую благодарность Д. С. Лихачеву, обратившему мое внимание на эту особенность русских житий.

жанрового канона, но и отражали в определенной степени этикетное поведение Ульянии в жизни.

Проведенный анализ композиционной структуры памятника, а также использованных в нем житийных топосов позволяет заключить: вывод М. О. Скрипиля о том, что «„Повесть об Ульянии Осорьбиной“ была задумана и выполнена как светское произведение — биография с элементами семейной хроники»,⁴¹ не обоснован.⁴² Интересно, что одним из доводов в пользу своего вывода М. О. Скрипиль считал фразу «Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем», которая, по его предположению, могла начинать «записки» Дружины Осорьбина.⁴³ В другом случае исследователь писал: «В ряде списков повести мы читаем: „Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем“. Принадлежат ли эти слова Дружине Осорьбину или они написаны позже одним из редакторов повести — решить трудно, но они прекрасно характеризуют одну из особенностей повести: жизнь Ульянии описана в ней в связи с жизнью ее предков, родных ее мужа и ее детей — „рода“. Эта особенность еще больше отдаляет повесть от агиографического жанра, тем более, что все это родственное окружение — чисто светские люди».⁴⁴ На наш взгляд, такая трактовка фразы о «роде нашем» (как заявки на повествование в духе семейной хроники) неправомерна, а весь пассаж М. О. Скрипиля по этому поводу требует особого комментария.

Фраза «Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем» не была и не могла быть начальной фразой «Жития Юлиании Лазаревской». Дело в том, что она завершает собой традиционно-агиографическое предисловие, которым предваряется текст Основного варианта Пространной редакции Жития. (Отметим в скобках, что при публикации этого варианта текста Жития М. О. Скрипиль посчитал возможным опустить предисловие за исключением его последней фразы, вырвав ее тем самым из контекста и сделав «начальной» фразой памятника).⁴⁵ Предисловие это традиционно, оно содержит обычные для житийного предисловия мотивы (авторское самоуничижение, мотив евангельской притчи о рабе, скрывшем в землю данный ему Господом талант, и др.) и, безусловно, ориентировано на образцы. Один из них мы можем назвать: это предисловие к «Житию Марии Египетской». Заключительный фрагмент этого предисловия, включая фразу о «роде нашем», почти без текстуальных изменений вошел в предисловие к «Житию Юлиании Лазаревской». Приведем оба текста в сопоставлении:

«Житие Марии Египетской»

«Не буди бо мнѣ лгати на святѣа Аще ли суть етери и чтуеши книги сиа, и высотѣ чудесѣ⁴⁶ дивящеся, и не хотяще вѣровати, — да будет милость Господня Тѣ бо, немощи челоѣческѣа помышляюще, не приатна творят нам глаголемаа о челоѣчех То уже подобно ми есть начати повѣсть и вещь предивну, бывшую в родѣ нашемъ»⁴⁷

«Житие Юлиании Лазаревской»

« не буди бо ми лгати на святѣа Аще ли етери, написание сие слышавше и высоте словес дивящеся, не восхотят веровати, буде им милость Господня Тии бо немощь челоѣческую помышляют и неприятно творят глаголемое о челоѣчех < > // Скажу же вам повесть дивну, бывшую в роде нашем»⁴⁸

⁴¹ Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьбиной С. 257

⁴² Полемизируя с М. О. Скрипилем, мы в полной мере осознаем существование в 1948 г. того экстранаучного фактора, который в той или иной степени неизбежно определял общую тональность его работы

⁴³ См. Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьбиной С. 272

⁴⁴ Там же С. 260

⁴⁵ Там же С. 284–323

⁴⁶ Вариант чтения в списках — «словеси» что соответствует греческому τοῦ λόγου

⁴⁷ Цит. по ВМЧ Апрель Дни 1—8 Тетрадь 1 Стб. 7

⁴⁸ Цит. по ркп РНБ F 1 261 л. 734—734 об.

Таким образом, очевидно, что фраза о «роде нашем» в предисловии к «Житию Юлиании Лазаревской» — это реминисценция, а потому она не должна рассматриваться в непосредственной связи с родом Осорьиных. В житиях обеих святых речь, по-видимому, идет о роде человеческом вообще, что более соответствует средневековому мировосприятию. Подтверждением этому может служить заглавие другого варианта Пространной редакции — варианта с послесловием. Вариант этот вторичен по отношению к Основному, предисловие переработано в нем в послесловие, а интересующая нас фраза переместилась в заглавие в значительно измененном виде: «Скажу же вам повесть дивну в последнем сем роде в нынешняя времена суетная».⁴⁹

В заключение хотелось бы высказать еще одно соображение. При характеристике жанра средневекового памятника помимо литературных критериев непременно должны учитываться и критерии внелитературные: на наш взгляд, невозможно представить себе причину, по которой в первой трети XVII в. древнерусский книжник решил бы написать светскую биографию своей матери после того, как были обретены ее нетленные мощи, обладающие даром исцеления. Жизнеописание Ульянии Осорьиной создавалось, вне всякого сомнения, как агиографическое сочинение — «Житие Юлиании Лазаревской», призванное достоверно и убедительно описать и прославить жизнь и чудеса муромской подвижницы.

Думается, настало время вернуть произведению Дружины Осорьина право на жанровое самоопределение: возратить его первоначальное название — «Житие Юлиании Лазаревской».

⁴⁹ Цит по ркп. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 124(225), л. 500.